

С. Ю. Дивногорцева

УДК 37.017.93

АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО В СОВРЕМЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья поддержана грантом Фонда развития ПСТГУ «Школьное религиозное (христианское) образование в России и за рубежом: исторический опыт, проблемы и перспективы»

Современные процессы глобализации влекут за собой такие явления современной жизни, как появление единообразия в культуре, утрата ее уникальности и неповторимости, а порой и исчезновение ее материального наследия, размывание границ добра и зла в нравственном содержании. В этом отношении стабильность, преемственность жизни общества, его духовных и нравственных основ способна обеспечить традиционная религиозная культура с ее устоявшимися ценностями и идеалами. Государствообразующей и культуuroобразующей религией в России всегда было и остается православие, неотъемлемой частью которого является материальное наследие, в том числе интересующие нас агиографическая литература и христианское искусство. В первой части представленной статьи нам хотелось бы показать и доказать, что они являются не просто частью наследия православной культуры, но обладают несомненным педагогическим потенциалом.

Агиография, или житийная литература, житие, – это «жизнеописание святого, обычно иного автора через несколько десятилетий после кончины героя» [2, с. 490]. «Житие по факту происхождения и принадлежности – это форма Священного Предания» [4, с. 40];

они, «как и другие формы церковного искусства, остаются частью живой религиозной жизни, непрерывно продолжающейся в Церкви» [10, с. 209]; «...формы изображения святого в житии отнюдь не застывшие и совершенно разные в зависимости от эпохи, к которой текст принадлежит. Ведь путь святого – это... не повторение и не аналогия, а творчество в Духе, где личность являет свою полноту и уникальность» [4, с. 40].

В агиографическом тексте, так же как и в христианском искусстве, заинтересованному наблюдателю и исследователю, несомненно, открываются педагогические смыслы, практическая педагогическая составляющая, представляющая, в свою очередь, основу для педагогического теоретизирования. Изучение духовной реальности в мире видимом (христианское искусство или агиографический текст) дает возможность получить первые наглядные представления о православной педагогической культуре и ее духовных доминантах [3], перейти на следующих ступенях своего духовного и педагогического возрастания к трудам святых отцов, религиозных философов и педагогов. Можно сказать, что не только Церковь, но и православная педагогическая культура могут свидетельствовать о себе словом и образом.

Самой важной проблемой жизни христианина и воспитания христианина является проблема спасения через достижение идеалов святости. Святость – это то, что, согласно христианской антропологии, онтологически заложено в человека как в образ Божий, но одновременно это и задача жизни и воспитания в православной педагогической культуре. Конкретика путей достижения святости представлена для христианина в слове (Священное Писание, агиографическая литература), а также в образе (икона). В этом отношении имеет смысл говорить о феномене педагогического воздействия агиографической литературы и христианского искусства на становление и развитие личности и понимать его как многоаспектное явление.

Прежде всего христианское искусство и агиографическая литература дают наглядное представление о Христе как Спасителе, Бого-

родице, о святых. Но дают они их не как картина или текст светского характера, а в ином контексте. Для христианского искусства, так же как и для агиографической литературы, важны не чувственность и эмпирика, важно передать не лица и события как таковые, а «первообраз, архетип человека, события, явления, предмета», избегая «внешней описательности», «натуралистической точности», но стремясь передать «внутренний смысл, сущность, идею, образ» [9]; невидимое и трудно постигаемое передается в этом случае посредством зримого и доступного [6].

Далее следует отметить, что христианское искусство формирует наше представление об истинно-духовно-прекрасном. Проповедуя красотой, оно не доказывает, а показывает Истину – так есть, и это прекрасно. Эта идея находила не раз свое подтверждение в житиях святых. Например, в житии святого равноапостольного князя Владимира описывается то эстетическое воздействие храма, росписи, икон, музыки, которые привели его к вере. Удивительно было обнаружить и намного более поздние свидетельства эстетического воздействия христианского искусства, которое приводило человека в храм: «Вчера я была у заутрени в церкви, – говорила студентка послевоенного времени из Сталинградской области. – Народу в церкви было очень много, даже и повернуться негде. Большинство присутствующих – молодежь с нашего педучилища и других школ. Как там было хорошо, как хорошо пели» [21, с. 265]. Недаром в августе 1946 года Г. Г. Карпов, председатель Совета по делам Русской православной церкви, писал Сталину, что молодых людей привлекает «внутренний вид церкви, пышность службы, пение» [21, с. 535].

В то же время необходимо понимать, что христианское искусство и, прежде всего, икона не предназначены исключительно для эстетического созерцания и любования. И иконы, и агиографическая литература способны дать наглядные образцы духовно и нравственно развивающейся и развитой личности, таких духовных качеств, которые сложно описать, невозможно до конца определить – смирение, милость, кротость и проч. Через икону, как и

через чтение житийной литературы, можно увидеть сущность этих качеств, выделить признаки, свойства, наглядные проявления, действия людей, этими качествами обладающих. С другой стороны, например, икона, приоткрывая «окно в Царствие Божие», дает возможность духовные качества в себе возвращать, начиная с молитвы перед иконой и покаяния. «Иконичный образ не только восходит к Первообразу, но он призван и возводить к нему человека», – отмечает по этому поводу В. В. Лепяхин [11].

Еще один аспект педагогики христианского искусства и агиографической литературы – в их повествовательности и проповеди. Так, икона может рассказать, дать информацию о том или ином событии Священной Истории. Но при этом даже тогда, когда на ней изображается историческое событие, например, Рождества Христова, это изображение носит догматический характер, говорит о том, что Рождество Христово имеет «сверхприродный» смысл, она проповедует о вневременности и метаисторичности этого события, а христианина учит, как именно его необходимо воспринимать и в него верить. Проповедь всегда была и остается особым рода словесным методом обучения и воспитания паствы в православной педагогической культуре. Цель этого «иконичного» рассказа, произносимого священником в храме, – не просто напомнить о празднике, его истории или житии святого. В отличие от рассказа как метода обучения в школе здесь иная цель – приблизить человека к Богу, дать ему ощущение онтологической значимости и сопричастности к происходящему, актуализировать это происходящее в отношении всех и каждого в храме. Те же, скажем так, узкую и широкую педагогические функции выполняет и икона. Принесенная в класс на урок, она служит наглядным изображением изучаемой темы. Икона в храме, дома у христианина, в том случае, когда мы стоим в молитвенном предстоянии перед ней, – это тоже проповедь, как определил ее В. В. Лепяхин, «эстетически невербальная» [11]. Соборное единение в храме двух видов искусств – проповеди

и иконы – усиливает в том числе их воспитательное воздействие на личность.

Наконец, выделим еще один аспект педагогики христианского искусства и агиографической литературы, рассматривая их как результат не только авторского, но, прежде всего, соборного творчества многих поколений, выработавших определенные традиции и каноны их создания, а во-вторых, творчества смиренного, «Бога для...», так как, например, иконописец не допускал возможности внести в сакральное пространство иконы свое имя. В этом отношении совершенно верно замечено, что «православная икона стремится передавать устойчивые традиционные ценностные установки, не отражая личное мировоззрение автора» [15, с. 109].

Таким образом, можно утверждать, что педагогика христианского искусства и агиографической литературы в их духовной направленности (для личности, исповедующей христианство, точнее было бы сказать «в их Христоцентричности»). Проблема для педагогики всегда стояла и на сегодняшний день состоит в том, как эту Христоцентричность донести до подрастающего поколения, как методологически и методически выстроить эту так называемую педагогику святости, как образ Христа, образ святости как предельно развитой духовности передать детям так, чтобы ему хотелось следовать, чтобы он вызывал уважение, почитание и любовь. Одна из главных трудностей поставленной задачи состоит в том, что духовно-нравственные качества личности, которые важно в детях воспитать, нельзя точно и до конца определить.

Почему это так? Христианская антропология говорит о том, что исключительной особенностью и привилегией человека в отличие от всех других видимых существ стало его создание по образу Божию: «Человек есть разумное творение Бога, созданное по образу своего Творца» [1, с. 438]. В чем суть этого образа – вопрос для богословов сложный, у святых отцов нет единого ответа на этот вопрос. В основном они намеренно уклоняются от каких-либо дефиниций, отмечая, что этот совершенный образ до конца непознаваем.

Как же работать со словами, которым нет четкого определения? В контексте православной теологии считается, что это возможно, как и с другими понятиями, связанными с богообразием человека. «Бог непостижим по сущности, – пишет современный богослов свящ. Вадим Леонов, – но познаваем в Своих действиях...», что в том числе дает нам возможность «познавать проявления богообразности в человеке» [8, с. 104].

Таким образом, получается, что образ Божий в человеке есть начало неопределяемое, но проявление этого свойства, качества в человеке – добродетельность, любовь, свобода, совесть и проч. – феномены наблюдаемые. Поэтому, стремясь обозначить сущность богообразности, то есть духовно-нравственных качеств личности, важно описать, выделить признаки, свойства, наглядные проявления, действия людей, этими качествами обладающих, плоды их деятельности. В этом отношении агиографическая литература и христианское искусство способны дать наглядные образцы духовно и нравственно развивающейся и развитой личности, а также образцы правильного поведения такого рода личности в той или иной конкретной ситуации. По этому поводу Л. Н. Урбанович замечает, что «жизнь святых для учащихся, могут стать определенным ориентиром в трудных жизненных обстоятельствах» [23, с. 12].

Кроме того, агиографическая литература, несомненно, имела влияние на русскую классическую литературу, и в этом отношении также полезно обращение к ней, используя «агиографический канон для анализа текстов Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. М. Шукшина» (в большей степени такого рода деятельность доступна старшеклассникам и студентам-филологам, будущим педагогам) и актуализируя при этом «духовно-нравственный потенциал» этих текстов [2, с. 490]. Н. А. Непомнящих, исследуя вопрос о житийных сюжетах и мотивах в новой литературе, приходит к выводу об их наличии, многообразии, отсутствии их исчерпывающих исследований, собственно, указателя житийных мотивов и сюжетов, что требует еще специальных исследований, в том

числе направленных на понимание того, на каких основаниях возможно проводить «аналогии и параллели между произведениями XIX–XX вв. и древнерусскими житийными текстами» [14, с. 124]. Выявленная проблема задает направление целому ряду интересных научных исследований на стыке филологии и педагогики.

Е. К. Макаренко, изучая «социологию читательского вкуса» и «литературного опыта» реального и потенциального адресата» [13, с. 186] агиографической литературы – подростков 5-9 классов, описывает следующие результаты проведенного констатирующего эксперимента. Учащиеся общеобразовательных школ, не посещающие воскресные православные школы, в основном не знакомы с агиографической литературой, соответственно не проявляют к ней интереса. Тем не менее в их представлении существует определенный концепт святости как «образ идеального человека, который совершает добрые дела милосердия и помогает людям». Таким образом, предложение для изучения агиографической литературы может быть начато именно с такого рода примеров деятельности святых, а затем и описания иных подвигов святости с тем, чтобы расширить имеющийся у них «достаточно размытый и обобщенный образ «положительного человека» [13, с. 192], например, предлагая агиографические тексты с описанием личной аскезы святого, его личным совершенствованием.

Отметим в этом отношении, что для подростков и юношества особым педагогическим потенциалом может обладать феномен святости XX века, подвиг новомучеников, осуществивших «выбор нравственного пути в жестких условиях государственных репрессий» [17, с. 36]. Каноническое житие средневековой литературы, как правило, изображало человека «в его святости», так же, как он изображался на иконе, – в своем прославленном, преображенном состоянии. Это не значит, что изначально будущие святые были безгрешны, просто существовавший канон разрешал говорить об их грехах и ошибках при описании «жизни до обращения в христиан-

ство или до вступления на путь подвижничества, чтобы тем самым еще более оттенить <...> добродетели после обращения, чтобы показать, что на вершины святости можно подняться даже из самых глубин порока» [7, с. 14]. Для современных же агиографических текстов характерны «тенденция к беллетризации жития, стремление сделать жанр более художественным, тем самым облегчив его восприятие для читателя», что приводит «к значительному усилению психологизма в житии» [7, с. 15], то есть отхода от изображения идеальной личности к личности обычного человека, стремящегося ко спасению. «Житие становится более драматичным, полным сложных коллизий, лишенным абсолютной однозначности, как и сама современная жизнь» [7, с. 16]. Именно эти тенденции наблюдаются в описании житий новомучеников, и по причине близости происходивших с ними событий сегодняшнему дню, а также в силу вышеуказанной причины они будут более понятны подросткам и юношам. На примерах людей, живших совсем недавно, можно увидеть, как по-иному, нежели в современной постмодернистской культуре, может выстраиваться система нравственных координат, например, как формирует мировоззрение человека страдание, и узнать, почему и за что его можно полюбить [12].

Каждая личность нуждается для своего развития в общении, в диалоге, поскольку в нем она может раскрываться, изменяться, обогащаться духовно. Человек имеет онтологическую потребность в общении, он хочет слышать и быть услышанным. Каждый из людей как личность неповторим, поэтому общение всегда было, есть и будет открытием чего-то нового, в том числе в других людях и в себе самом. С этой точки зрения основным методом изучения житийного текста скорее всего можно назвать диалог как духовную встречу читателя с личностью, представленной в агиографическом тексте, в котором преодолевается «чуждость чужого» и появляется возможность духовно обогатиться опытом другого человека. В ходе такого рода диалога читателю и исследователю важно выявлять основ-

ные ценностные категории в самом образе святого, в сюжете его жизнедеятельности, глубоко педагогичных для читателя. Важно показать диалоги и поступки святого, поскольку в них, основанных на порой нелегком личном свободном выборе, раскрывается своеобразие личности, происходит актуализация личности, обнаруживается ее содержание.

В этом случае имеет смысл говорить о феномене педагогического видения как аналитико-синтетической деятельности обучающихся и обучающихся по обнаружению, распознаванию тех или иных доминантных духовных и нравственных качеств личности в процессе восприятия агиографического текста и преобразованию полученной информации в отношении к собственной личности и жизнедеятельности. Для этого необходим «анализ содержания подвига и самого образа святого, а именно раскрытие глубины смыслов, заключающихся в святости, но не абстрактно понимаемой (мученик, преподобный, святитель и т. д.), а в конкретном, живом, личностно явленном творчестве в духе» [4, с. 41]. При этом, безусловно, надо отдавать себе отчет в том, что поскольку, согласно христианской антропологии, личность является проявлением образа Божия в человеке, а Бог в своей сущности непознаваем для человеческого разума, так и личность «недоступна всеохватывающему и исчерпывающему познанию <...> Она всегда остается непостижимой в своей конечной глубинной сущности» [19, с. 17].

Одновременно необходимо учитывать тот факт, что личность, особенно ребенка, мыслит, усваивает ту или иную информацию не только в процессе восприятия текста, но и путем наблюдения, конкретизации. В этом отношении мы говорим о христианском искусстве в педагогическом пространстве, рассматривая ее как «невербальный текст» [9], как своеобразное средство обучения и воспитания в образовательном учреждении.

Если мы говорим об уроках основ православной культуры, то сверхзадачей при введении христианского искусства в содержание урока можно было бы поставить «духовную

встречу» и духовное обогащение через него. На пути продвижения к ее решению целесообразно не просто рассказывать детям, например, об отличиях иконы и картины (в основном на этой содержательной линии и построено большинство наблюдаемых нами уроков основ православной культуры), но показать возможность чтения иконы на нарративном уровне, самостоятельного создания повествований о некоторых взаимосвязанных событиях, которые они видят на иконе при рассмотрении ее сюжета. Такого рода деятельность доступна с иконой праздника, житийной иконой, где в среднике помещается изображение святого, а в клеймах вокруг него сцены из жития. Таким образом, дети должны предположить в процессе «чтения» иконы, какой сюжет лежит в основе этой иконы, какую часть православной культуры (церковного учения) она передает? Разумеется, роль учителя при организации такого рода деятельности – дополнить, при необходимости исправить неточности или неверное толкование увиденного. На уровне самостоятельной внеучебной работы целесообразно было бы вынести исследовательские задания, связанные с поиском информации о том, какой именно вербальный текст лег в основу написания иконы, но в большей степени это касается, конечно, православных гимназий, в которых изучается, как правило, не только православная культура, но и православное богословие.

Можно было бы предложить и задания, связанные с личным субъективным эмоциональным восприятием иконы, что дает учителю возможность в определенной степени познать, почувствовать внутренний мир ребенка, его духовные силы, а с другой стороны – дать простор и возможности для их развития. На уроках основ православной культуры, в отличие от уроков русского языка и литературы, где методика написания сочинений достаточно строго регламентирована, можно полностью окунуть ребенка в живое искреннее литературное творчество (без проработки содержания сочинения, словарной, орфографической работы, составления плана и т. д.), ориен-

тируя ребенка на рассуждения о том, какие чувства, мысли, переживания вызывает икона. Важно, чтобы ко времени, когда такого рода работа будет предложена детям, у них был накоплен определенный визуальный ряд, некоторый опыт, связанный с рассматриванием икон. Психологи предполагают, что такого рода опыт, пусть не всегда осознанный ребенком, нужная мотивация со стороны учителя могут дать феномен «внезапности», «озарения» в выстраивании в творческой работе смысловых и эмоциональных акцентов [5, с. 272].

Возможно также показать детям «способность» иконы порождать различного рода тексты. Прежде всего, это относится к богослужебным текстам, и в этом случае икона может быть представлена как источник «церковной словесности», поскольку ко многим из них, например, чудотворным иконам Божией Матери, написаны праздничные тропари и кондаки, а для самых прославленных составлены стихиры, каноны и т. п. [9]. Такого рода учебная деятельность в основном допустима для православно-ориентированных школ. Кроме того, икона, как отмечает В. В. Лепяхин, стала источником появления еще в древнерусской литературе такого жанра, как сказания о чудотворных иконах (хотя сами эти произведения зачастую сказанием не называются, например, «Слово о знаменнии святой Богородицы», «Повесть из древних сказаний» и т. д.), некоторые из которых вошли в летописи. Сказания склонны к документалистике – описывается чудо, когда, с кем оно произошло, при каких свидетелях и т. п. Детей младшего школьного возраста вполне возможно познакомить с такого рода произведениями, например, в их кратком, но ярком пересказе.

Можно было бы попробовать предложить детям написать историю, не обязательно о чуде, но об истории иконы в их семье: как, когда появилась, какие события из жизни семьи связаны с этой иконой. Заметим, что иконы, их история, в том числе чудотворных икон, могут быть очень тесно связаны с историей России, как например, образ Алексан-

дра Невского – «воина, защитника веры и отечества» [16, с. 205]. Эта тема также может лечь в основу исследовательских работ учащихся так же, как, например, и темы иконы в воинских повестях и рассказах очевидцев о войне, в фольклоре, в русской литературе. Акцентировать внимание учащихся можно на такие содержательные линии, как «икона в доме», «икона в храме», «молитва перед иконой», «икона на войне», «благословение иконой», «икона и характер героя», «икона и мировоззрение героя», «икона и русская душа», «икона и эстетика» и проч.

Реализуя иные межпредметные связи целесообразно было бы старшеклассникам предложить такие, например, исследовательские проекты, как «Христианство в творчестве художников (русских художников)» (к примеру, интересна для изучения история строительства церкви Спаса Нерукотворного в Абрамцево (1881–1882) по проекту В. Д. Поленова и В. М. Васнецова, история по оформлению В. М. Васнецовым внутреннего пространства Владимирского храма-памятника, посвященного 900-летию Крещения Руси в Киеве [18, с. 152]), «Символизм в иконе», «История одной иконы», «История одного храма» и т. п.

Таким образом, и христианское искусство, и агиографическая литература могут иметь выход в педагогическое пространство, составляя суть содержания педагогики святости как важнейшей части православной педагогической культуры. Содержание христианского искусства и агиографической литературы носит, несомненно, богословский характер, но анализ их может быть и педагогическим. Агиографическая литература и христианское искусство могут быть не только иллюстративным материалом в изучении православной культуры, но значимым средством в преодолении в ценностном сознании личности «инверсии нравственных понятий» [20, с. 25]. Они могут быть тем средством, которые помогают «говорить о Традиции на языке самой Традиции» [22, с. 232], помогая истолкованию «основных метафизических оснований» [22, с. 232] православной культуры.

С этой точки зрения было бы целесообразно, на наш взгляд, более детально исследовать и проработать методическую стратегию введения в образовательную область «Основы духовно-нравственной культуры народов России» содержательной линии, связанной с изучением агиографической литературы и христианского искусства, подготовив пособия, выполняющие наряду с образовательной функцией социальную, актуализирующую новые поколения на усвоение и воспроизводство ценностей традиционной культуры.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопроса о статусе агиографической литературы и христианского искусства в современном педагогическом пространстве. В первой части работы автор обращает внимание на феномен педагогического воздействия христианского искусства и агиографической литературы на развитие личности, показывает его многоаспектность как возможность выполнять в педагогике обучающую, воспитательную, эстетическую и духовно-развивающую функции. Во второй части статьи автор поднимает проблему методологически и методически правильного и эффективного донесения до современного подрастающего поколения той педагогики духовности, которую несут в себе агиографическая литература и христианское искусство. Трудности в этом направлении автор связывает с тем, что духовно-нравственные качества личности, которые важно в детях воспитать, нельзя точно и до конца определить. Тем не менее, вполне доступно проявление этих качеств наблюдать, описывать, анализировать, выделять признаки, действия людей, обладающих ими, рассматривать результаты их деятельности. Образцы духовно развитой личности, ее поведения и деятельности представлены в агиографической литературе. Ее методически верное использование, по мнению автора, может способствовать не только приобщению обучающихся к традиционным ценностям, но и усвоению их, следованию им как ориентирам своей жизни. Средством, способным визуально конкрети-

зировать ценностное содержание православной культуры, является христианское искусство. Как и агиография, оно может духовно обогащать личность при условии использования методов обучения, направленных на интериоризацию ее содержания обучающимися.

Ключевые слова: агиографическая литература, христианское искусство, духовно-нравственное развитие и воспитание личности, православная педагогическая культура.

SUMMARY

The article is devoted to the consideration of the status of hagiographic literature and Christian art in the modern pedagogical space. In the first part of the work, the author draws attention to the phenomenon of the pedagogical influence of Christian art and hagiographic literature on the development of personality, shows its multifaceted nature as the ability to perform educational, aesthetic and spiritual developmental functions in pedagogy. In the second part of the article, the author raises the problem of methodologically and methodically correct and effective communication of the pedagogy of spirituality, which is carried by hagiographic literature and Christian art, to the modern younger generation. The author connects difficulties in this direction with the fact that the spiritual and moral qualities of a person, which are important for children to educate, cannot be precisely and completely determined. Nevertheless, the manifestation of these qualities is quite accessible to observe, describe, analyze, highlight signs, actions of people who possess them, consider the results of their activities. Samples of a spiritually developed personality, its behavior and activities are presented in hagiographic literature. Its methodically correct use, according to the author, can contribute not only to familiarizing students with traditional values, but also to assimilating them, following them as guidelines for their lives. Christian art is a means of visually concretizing the value content of Orthodox culture. Like hagiography, it can spiritually enrich a person, provided that teaching methods are used to internalize its contents to students.

Key words: hagiographic literature, Christian art, spiritual and moral development and personal education, Orthodox pedagogical culture.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василий Великий. Беседа первая о сотворении человека «по образу» // Творения: В 2 т. – М.: Сибирская благовонница, 2008. – Т. 1. – 1135 с.
2. Губина Н. В. Агиографический канон и русская классическая литература: возможности интертекстуальной номинации // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 6 (67). – С. 490–491.
3. Дивногорцева С. Ю. Основы православной педагогической культуры. – М.: ПСТГУ, 2013. – 244 с.
4. Дорофеева Л. Г. Поэтика «нюансов» в древнерусских житиях: к вопросу об агиографической топике // Филологические чтения ЯГПУ им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2017. – С. 39–43.
5. Занков Л. В. Избранные педагогические труды. – М.: Педагогика, 1990. – 424 с.
6. Иоанн Дамаскин, преп. Три слова в защиту иконопочитания. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 186 с.
7. Каширина В. В., Никольский Е. В. Эволюция художественного канона в агиографии мучеников (на примере жития новомученика Александра Никольского) // *Libri Magistri*. – 2019. – № 1 (7). – С. 11–32.
8. Леонов В. Основы православной антропологии. – М.: Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2013. – 456 с.
9. Лепяхин В. В. Виды, уровни и формы взаимосвязи слова и иконы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Валерия Лепяхина. – URL: [https://drive.google.com/file/d/1wXCHa23rnpjRfvKhd0hGv2hVReDLEkGG/v](https://drive.google.com/file/d/1wXCHa23rnpjRfvKhd0hGv2hVReDLEkGG/view)
10. Лепяхин В. В. Икона и иконичность. – Сегед: JATEPress, 2000. – 264 с.
11. Лепяхин В. В. Икона как слово и невербальный текст [Электронный ресурс] // Официальный сайт Валерия Лепяхина. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1c1kjZvOggD369kOVqeIQSzX28pKwG29l/view>.
12. Лука, (Войно-Ясенецкий). Я любил страдание, так удивительно очищающее душу. – М.: Сибирская благовонница, 2017. – 254 с.
13. Макаренко Е. К. Анализ рецепции детской современной агиографической литературы рядовым читателем подросткового возраста. Часть I. Исследование горизонта читательских ожиданий // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 11 (188). – С. 185–193.
14. Непомнящих Н. А. Житийные сюжеты и мотивы в новой литературе: к вопросу об изучении и классификации // Сюжетология и сюжетография. – 2019. – № 1. – С. 123–138.
15. Нестеров В. И. Художественное воплощение православных ценностей в иконе // Формирование системного мировоззрения современного человека: сб. матер. науч.-практ. конф. – Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2017. – С. 109–110.
16. Нестерова С. А. Образы святых воинов в древнерусской агиографической литературе // В сб.: Научные труды Самарской Духовной семинарии. – Самара, 2017. – С. 200–207.
17. Орловский В. А. Восстановление практики причисления к лику святых и канонизация новомучеников российских в контексте взаимоотношений Церкви и государства // автореф. ... д-ра ист. наук. – Белгород, 2017. – 46 с.
18. Пастон Э. В. «Соборный идеал» В. М. Васнецова. Работа художника во Владимирском соборе в Киеве (1885–1896) // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2019. – Вып. 36. – С. 151–162.
19. Платон (Игумнов), архим. Православное нравственное богословие. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – 240 с.
20. Розина О. В. Аксиология «удовольствия» и «страдания» в отечественной традиции и современности // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 3 (108). – С. 21–25.
21. Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть,

1917–1958. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 582 с.

22. Северилова П. В. К вопросу создания культуросообразной концепции изучения отечественного духовного наследия: сб. науч. трудов III Междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарные аспекты высшего профессионального образования» // Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2018. – С. 227–235.

23. Урбанович Л. Н. Интеграция агрографической литературы в содержание образования как ресурс духовно-нравственного воспитания школьников // Вестник ПСТГУ. – 2018. – Вып. 48. – С. 9–8.

И. Н. Белых

УДК 37.014.2

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО АСПЕКТА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В 1920-е гг.

Нравственный кризис, наблюдающийся в современном российском обществе, порождает необходимость поиска эффективных путей решения данной проблемы, что находит отражение в образовательной политике государства. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2020 года утверждается необходимость создания «условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых

в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [16]. В «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» в качестве приоритетной воспитательной задачи объявляется развитие высоко-нравственной личности. Достижение данной задачи предполагается не только за счет обращения к педагогическим инновациям, но и к передовому опыту прошлого в области воспитания. Делается акцент как на возрождении духовности, так и на усилении социальной направленности воспитания, что отражается в поддержке ученического самоуправления, повышении «роли организаций обучающихся в управлении образовательным процессом» [13], развитии в детской среде «ответственности, принципов коллективизма и социальной солидарности» [13].

В связи с этим приобретает актуальность обращение к опыту нравственного воспитания школьников, в том числе в послереволюционный период, который характеризовался актуализацией социального аспекта нравственного воспитания школьников. Выбор региона – Приенисейская Сибирь – обусловлен его социально-экономической значимостью и одновременной удаленностью от центра России. Кроме того, изучение региональных аспектов становления нравственного воспитания школьников дает более объективную картину данного процесса и обогащает историко-педагогическое знание. Различные воспитательные практики Приенисейской Сибири в послереволюционный период исследуются в трудах З. У. Колокольниковой, О. Б. Лобановой [5; 6], работах татарской школы – И. Ш. Шакировым [21], народной педагогике старожилов – Т. Ю. Розмановой [14]. Предметом специального исследования нравственное воспитание в Приенисейской Сибири в 1920-е гг. стало в диссертации И. Н. Белых [2], однако данный труд не является исчерпывающим и требует дальнейшей работы, что определяет цель статьи – исследовать процесс актуализации социального аспекта нравственного воспитания школьников в Приенисейской Сибири в 1920-е гг.